

¹⁾ У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукой этой брошюры

Восточная Сибирь. Намъ пишутъ изъ Енисейской губерніи, что въ Иркутскѣ нажились въ кудшуму. Новый генералъ-губернаторъ Кудшумовъ, бывшій въ немчинскіи наместникъ, заплъ, наущенъ въ четиры года, направиель въ Туруханскъ и Верхоянскъ. Онъ же раздѣлилъ недавно двѣ пары циркуляриамъ. Первый трактуетъ объ отлучкахъ. О каждой самовольной отлучкѣ онъ требуетъ сообщенія генералъ-губернатору, для водворенія отлучившагося.

Успѣхъ былъ полный: всѣ мѣстные адвокаты, крокъ двѣ отлучающіеся, дослѣ отъ высылки отъ защиты. Одинъ въ нѣмчинъ — Быковскій — назначенный защитникомъ отъ суда, подаль за явленіе о болѣзни.

¹⁾ Чрезвычайно жаль, что наш корреспондент опустил имена привести их было бы весьма полезно. Ред.

Въ Бердистъ на механическомъ заводѣ испуки стачки по случаю поводу. Заводъ выписалъ въ Ростовъ 12 листовъ шпонаго, пообещавъ имъ высокую плату. Когда эти листы не было исполнено, дитейшка бросила работу и была подвержена другимъ ценамъ. Требования ростовчанъ были удовлетворены, а заводу пришлось заплатить еще больше, чѣмъ онъ первоначально назвалъ. Союзъ «Пауки и Мушк», полинейстеръ говорилъ на заводахъ рѣчи. Воть рѣчь его, сказанная на механическомъ заводѣ: Господа, я пришелъ познакомиться васъ съ прокламаціями! Быть можетъ, кто-нибудь изъ васъ поднималъ листья. Тамъ написано «Пауки и Мушк», только почему то не написана еще дата, когда тѣ, кому это написано, должны будутъ подняться пологими на границы, чтобы возмущать въ Россіи беззаконниковъ. Тогда иностранными державами легче будетъ на Россію напасть.

Денги и письма для „Искры“, „Заря“ и „Лиги русской революционной соц.-дем.“, а также требования на литературу просим направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse)

Типографія „Искра“.

Приложение къ № 52 „Искры“.

ОТЧЕТЪ

Екатеринославскаго Комитета

объ августовскихъ событіяхъ этого года.

Съ появленіемъ извѣстій изъ Баку и другихъ городовъ, въ которыхъ были всеобщія стачки, въ Екатеринославѣ стали ходить слухи, что и здѣсь будетъ то же. Разговоры о предстоящей стачкѣ шли всюду: всѣ тайно и открыто, дѣлились послѣдними извѣстіями, приходившими съ мѣстъ забастовокъ, и говорили о томъ, „что слышно у насъ“. Среди евреевъ сейчасъ же появились опасенія погрома, но эти опасенія были незначительны, такъ какъ о погромахъ тогда не было слышно ни откуда. Послѣ извѣстій изъ Кіева разговоры о стачкѣ пошли еще сильнѣе. Разговорамъ способствовало и экономическое положеніе рабочихъ, очень плохое, благодаря недавнему кризису. Когда еще не было слуховъ и о Баку, — на заводѣ Эзау предполагалась стачка; ожидалась также стачка дамскихъ портныхъ, трамвайщиковъ и другія.

Въ концѣ іюля Комитетомъ для выясненія положенія было устроено нѣсколько специальныхъ собраній: Комитета, агитаторскихъ „летучекъ“, агитационныхъ и изъ людей, обычно не посѣщавшихъ никакихъ собраній. На всѣхъ этихъ собраніяхъ говорили, что забастовка въ другихъ мѣстахъ произошла по двумъ причинамъ: изъ за плохого экономическаго положенія, которое рабочіе захотѣли улучшить, воспользовавшись небольшимъ оживленіемъ промышленности, и, во-вторыхъ, изъ чувства солидарности; далѣе старались выяснитъ, какая изъ этихъ двухъ причинъ имѣется у насъ и на какой характеръ стачки мы должны больше разсчитывать. Потомъ, когда обсуждались вопросы: призывать ли къ стачкѣ или нѣтъ, а также сможемъ ли стачка принести какія-либо улучшенія въ экономическомъ положеніи рабочихъ, — указывалось, что моментъ для стачки неблагоприятенъ: въ Екатеринославѣ собралась войска на маневры. На все это отвѣчали, что во время кризисовъ цѣны были сбавлены и что теперь, хотя всюду есть новые заказы, никакихъ прибавокъ нѣтъ и что рабочіе ихъ ждутъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ было видно, что экономическое положеніе рабочихъ одинаково плохо и что всюду нужно выставить слѣдующія требованія: 1) сокращеніе рабочаго дня, 2) увеличеніе заработной платы, 3) улучшеніе гигиеническихъ условий работы. Въ послѣдствіи, всѣ эти требованія и занимали главное мѣсто въ частныхъ листкахъ, выпущенныхъ Комитетомъ во время стачки. Говорили, что настроеніе у всѣхъ очень напряженное: всѣ ждутъ не дождутся стачки; что, будешь мы призывать или нѣтъ, она начнется; что войска не помѣшаютъ ей начаться, такъ какъ къ плохому экономическому положенію прибавилось чувство солидарности, очень быстро растущее подъ влияніемъ извѣстій о стачкахъ въ другихъ городахъ. Относительно жел.-дор. мастерскихъ не было никакихъ сомнѣній, что онѣ забастуютъ, а на другихъ заводахъ говорили, что, если жел.-дор. мастерскія забастуютъ, то и они присоединятся къ стачкѣ; въ городѣ тоже увѣрили, что, какъ только заводы бросятъ работу, — и весь городъ броситъ, особенно, если заводскіе придутъ въ городъ и пригласятъ присоединяться. Выяснивъ положеніе, Комитетъ рѣшилъ начать забастовку, несмотря на нѣкоторые неблагоприятныя обстоя-

тельства, и началъ готовиться къ ней. Числа 30-го или 31-го Комитетомъ было получено приглашеніе отъ ком. соц.-рев. прислать представителя на совѣщаніе, на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ, на какихъ условіяхъ можно было бы работать во время стачки сообща. Ком. послалъ сообщить соц.-рев., что отказывается отъ этого, но человекъ, которому это было поручено, ихъ не нашелъ. Свое рѣшеніе Комитетъ принялъ потому, что считалъ, благодаря крупнымъ принципиальнымъ разногласіямъ съ соц.-рев., невозможной совместную съ ними плодотворную работу. Въ Екатеринославѣ кромѣ соц.-дем. организаціи, во главѣ которой стоитъ Е. К. Р. С.-Д. Р. П., признанный Партіей, есть такъ называемая Соц.-Дем. организація старой формы (оппозиція) которая называетъ себя тоже Е. К. Р. С.-Д. Р. П., на что не имѣетъ никакого права. Сторонники этой организаціи довольно многочисленны, и потому Комитетъ рѣшилъ вступить съ ними въ переговоры относительно совместной работы и предложилъ образовать стачечную комиссію Е. С.-Д. организаціи; это предложеніе было сейчасъ же принято. Въ образовавшуюся комиссію вступило по три члена съ каждой стороны. Листки каждая организація должна была выпускать самостоятельно, кромѣ бюллетеней, которые были общими; требованія же въ листкахъ должны были быть выставлены одинаковыя. Первые дни распространеніе было самостоятельное, и лишь въ послѣдніе дни рѣшено было сдѣлать его общимъ. Вся остальная работа должна быть совместной. Выработавши условія работы въ комиссіи, члены ея занялись выработкой плана для веденія стачки. По этому плану стачка должна была начаться утромъ, 7 августа, съ жел.-дор. мастерскихъ: къ 4-му числу подготовительная работа не была бы закончена, а начинать пятаяго было бы невозможно, такъ какъ шестого былъ праздникъ, а извѣстно, что большинство стачекъ кончается на другой день послѣ праздника, и потому побоялись, что стачка, начавшись пятаяго, кончится седьмого. Привести это рѣшеніе въ исполненіе было довольно трудно: послѣдняя недѣля передъ стачкой проходила для всѣхъ очень томительно; всѣ ждали ея и всѣ спрашивали, когда же начнется стачка. Когда болѣе близкимъ рабочимъ говорили, что она отложена на четвергъ, седьмого, то они были очень недовольны этимъ, такъ какъ боялись, что масса не станетъ дожидаться призыва организаціи и начнетъ стачку сама. Третьяго числа комиссіей было получено извѣстіе, что с.-р. выпущена прокламація съ призывомъ къ стачкѣ и что она хотѣла начать стачку четвертаго; положеніе комиссіи стало еще болѣе критическимъ. Если вліяніе с.-р. окажется сильнымъ настолько, чтобы заставить массу начать стачку вопреки плану комиссіи, то, значитъ, весь планъ рухнетъ, и стачка будетъ не подготовленной, чисто стихійной и, какъ неподготовленная, будетъ обречена на неудачу. Обсудивши положеніе дѣла, комиссія рѣшила послать къ с.-р. делегата съ порученіемъ поставить имъ на видъ, что они не имѣли права начинать стачку, не спросивши у организаціи, за которыми стоитъ большая часть массы. Когда эти организаціи рѣшили начать ее. Делегатъ комиссіи нашелъ с.-р. около 12 часовъ ночи, а около трехъ часовъ утра ушелъ отъ нихъ. Его переговоры кончились тѣмъ, что с.-р. обѣщали постараться отменить свое рѣшеніе, но не надѣялись, что это, въ виду поздняго времени, имъ удастся. Утромъ четвертаго стало извѣстно, что никто никакихъ попытокъ начать стачку никакъ не дѣлалось. Во вторникъ, пятаяго, забастовало нѣсколько булочныхъ; забастовка эта была чисто стихійная и, очевидно, началась безъ участія какой-либо организаціи. Это подтверждается тѣмъ, что булочники, собравшись въ количествѣ

60 человек, не зная, что делают и у них не было человека, который мог бы выработать с ними требования. И лишь случайно они нашли такого человека (человек этот принадлежал к с.-д. организации старой формы). Собрание их было разогнано полицией, а среди булочников начались аресты. Комиссия довольно долго обсуждала вопрос о том, какие листки выпустить раньше: общие или частные. Одни ее члены говорили, что масса еще неподготовлена и не понимает, что ей требовать, и что, поэтому, надо выпустить экономические листки раньше, для за два дня до стачки. Другие же возражали, говоря, что, если листки появятся, то стачка сейчас же начнется, а подготовительные работы еще не окончены, и что, если частные листки будут выпущены, то администрация будет иметь прямое доказательство, что стачка начнется скоро, и примет самые решительные меры, а, выпустив листки одновременно, мы до некоторой степени заставим администрацию врасплох. Вместе с тем, предлагалось вести усиленно устную агитацию. Второе мнение восторжествовало. Начать стачку было решено так: на железнодорожных мастерских распустить частные и общие листки и в восемь часов дать гудок. Были намечены люди, которые должны были дать гудок и вывести рабочих на двор, другие же должны были провозносить рѣчи. Начавши стачку у себя, железнодорожные рабочие должны были пойти на другие заводы и пригласить товарищей бросить работу. Комиссия не была уверена, что на других заводах бросать в тот же день работу, как на железной дороге, но план ее был исполнен в точности.

Настроение буржуазии и обывателей все время перед стачкой было приподнятое, и они также готовились к стачке. Слыхи о том, что было в Одессе, заставляли хозяек делать большие запасы муки и хлеба. Во вторник, когда забастовали булочники, мучные лавки прямо осаждались покупателями. Все говорили, что скоро стачка, и все хотело, чтобы она началась. Даже один фабричный говорил: «Скоро ли начнется стачка, — отдохнуть бы». Повторяем, что слухов о погроме евреев почти не было.

Администрация стала готовиться к стачке чуть ли не раньше, чем организация: всюду появилось удвоенное количество городовых и жандармов; много поднадзорных арестовано; войска все прибывали и прибывали — пока на двух рабочих не стало по одному солдату. По степи, где в обычное время рабочие устраивали свои собрания, разъезжали отряды полиции и, найдши собрание, свирепно разогнали его. Так, 31 июля, было разогнано большое агитационное собрание, при чем много народу было избито. Собирались на степи стало невозможно и всякие собрания были прекращены. Гудки на заводах охранялись жандармами. Словом, все предосторожности были пущены в ход.

Но ничто не помогло: утром 7-го стачка началась и началась так, как хотела того комиссия.

О том, как прошло 7 августа на заводах — рассказано в предыдущем сообщении, а здесь мы коснемся только того, что происходило в тот день в городе. Прежде всех забастовали типографщики. Переходя из мастерской в мастерскую, они останавливали работу, а полиция, иногда с шашками наголо, гонялась за ними. Вслед за типографщиками побросали работу многие другие цехи, но далеко не все. Трамвайщики, к большому удивлению и разочарованию всех, работали. Во многих местах города во дворах, а иногда и по углам улиц стояли отряды солдат. Кучки народа собирались почти у каждого ворот и обсуждали вести, долетавшие с заводов. По проспекту разъезжали городовые и то и дело, по направлению к заводам, проходили отряды войск.

Утром дышалось весело: узнали, что все заводы остановились; продолжали работу только на Амуре и Нижнеднепровске; но потом настроение омрачилось: дошли вести о зверской расправе и об убитых и раненых. Часа в четыре дня эти слухи подтвердились: по проспекту в большом поведении раненых. У всех людей было ужасное, но особенно сильное впечатление производил один юноша, на вид совсем мальчик, лежавший в извозничей пролетке, весь вытнувшись, закинув руки за голову; лицо его было страшно бледно, и, видимо, он сильно страдал.

Комиссия, собравшись вечером, увидела, что ее планы, целиком оправдавшиеся на заводах, не оправдались отчасти в городе и совершенно на Амуре и Нижнеднепровске. Решено было отправить на следующее утро на Чечелевку ораторов, а потом постараться привести заводских людей в город, чтобы пригласить забастовать тех городских рабочих, которые еще продолжали работать. Вместе с тем было решено, когда будут схронены убитых, устроить им торжественные похороны.

Комиссия совершенно забыла, что правительство всегда старается убирать свои жертвы как можно скорее, и потому не предполагала, что похороны будут восьмого.

Второй день, описанный подробно во втором бюллетене и в сообщении участников событий, прошел не совсем так, как хотелось этого комиссии. Но результаты были тот же; не побросали работу только в очень немногих (ремесл.) мастерских. Комиссия вечером собралась опять. Были прослушаны отчеты ораторов. Перед началом стачки комиссия, имея в виду опыт ростовских и одесских товарищей, говоривших, что для того, чтобы масса могла понимать политические рѣчи, надо основывать их на экономическом положении, постановила, чтобы рѣчи говорились не сразу на политические темы. Из отчетов ораторов было видно, что масса очень сочувственно относилась к политическим рѣчам. Впоследствии оказалось, что так относилась только передовая часть рабочих, а малосознательная масса в первые дни на собраниях не присутствовала; на тех же собраниях, как, напр., в Кайдаках, где было большинство малосознательных, масса была увлечена ораторами и кричала за ними «долгой самодержавие», но это увлечение было слишком поверхностное. Комиссия в этот день постановила отправить на утро людей на Амуре и Нижнеднепровск, чтобы остановить работы и там. Она рассчитывала в это время двенадцатью ораторами; одни из них должны были пойти на Чечелевское собрание, другие на Кайдаки, а третьи на Амуре и Нижнеднепровск. Кроме этого, комиссия приняла решение устроить в два часа (девятого) демонстрацию перед тюрьмой. В субботу утром узнали, что в пятницу вечером тюрьма была окружена казаками, и потому это решение было отменено.

На Амуре и Нижнеднепровске в субботу утром удалось остановить все заводы; один завод забастовал еще накануне. Комиссия, собравшись в субботу, решила не делать больше никаких попыток призывать рабочих в город, а, пользуясь небывалым случаем, вести массовую агитацию. Случай был действительно небывалый: в четырех местах — на Чечелевке, на Кайдаках, на Амуре и Нижнеднепровске происходили собрания. Комиссия употребила в дело своих двенадцать ораторов, и все они говорили в продолжение четырех дней. Кроме этих двенадцати лиц говорили двое-трое соц.-рев. и несколько лиц, не принадлежавших ни к какой организации. Соц.-рев. приглашали массу к вооруженной демонстрации, но никаких практических результатов от этого не было, да, как говорят, они и сами их не ожидали. В субботу ничто не говорило о близком окончании стачки, хотя правительство принимало все меры, чтобы запугать рабочих. Оно арестовывало рабочих десятками, всюду насаждало солдат, а вице-губернатор и полициймейстер ежедневно провозносили рѣчи «политического характера» и на тему о «свободе труда». В воскресенье появились первые зловещие признаки: на собраниях народу пришло меньше, чем в первые дни, и, кроме того, на Нижнеднепровске и на Кайдаках говорили, что в понедельник выйдут на работу. Ораторы на Нижнеднепровске очень долго обсуждали с рабочими экономические требования, и ему удалось убедить рабочих в необходимости продолжать стачку. Комиссия решила на утро предпринять самые сильные меры, чтобы не дать стачке кончиться. Решено было отправить в наиболее опасные места наиболее способных ораторов; ораторам было сказано, чтобы они, в случае крайней необходимости, стали у ворот завода и попытались выяснить рабочим ту громадную ошибку, которую они делают, идя на работу. В понедельник утром Комитетом был распространен листок об уступках, полученных рабочими в других городах, где были стачки. Ораторы, пришедшие к заводам, не могли попасть на них, т. к. войска и полиция были больше, чем всегда. Кроме того, стало известно, что некоторые из них были опасно больны, и что они говорили раньше. Так, про одну женщину, говорившую на Кайдаках, иные говорили, что она «ведьма», и что она больше их не обманет и не заставит кричать «долгой самодержавие», и что если она придет, то найдется, пожалуй, люди, которые выдадут ее полиции. Это там, где за день перед этим хотели нести ее на руках! На всех заводах Брянского района утром началось работы, но рабочие вышли не все — значительная часть осталась еще дома. Известие о начале работы было так неожиданно и так ошеломляюще, что долго не вѣрили ему. И для самих рабочих начало работ было неожиданно: очень немногие пошли с твердым решением начать работать, другие пошли посмотреть, много ли вышло на работу, а третьи, думая, что все, идущие к заводам, идут на работу, тоже поднялись и пошли, а за ними и остальные. Это

доказывается следующим фактом: когда рабочие появились на Брянском и Труновском заводах и администрация предлагала им начать работу, то рабочие отвечали, что они пришли только „так“ и что они даже не захватили с собою завтрака. Им отвечали, что за этим дело не станет, — и мигом были разобраны, но брали не всё: главным образом накинулись на „даровщинку“ получающие больше жалования, а зарабатывающие мало почти совсѣм не брали. После обеда вышло уже больше народу, чѣмъ утромъ, а во вторникъ только рѣдкіе не пошли на работу.

Такъ было въ Брянскомъ районѣ, — на Амурѣ же и Нижнедѣпровскѣ забастовка продолжалась. И въ понедѣльникъ, и во вторникъ тамъ продолжались собранія, но въ среду начались работы и тамъ.

Въ городѣ большинство ремесленныхъ мастерскихъ начали работу, но рабочие довольно большого числа мастерскихъ продолжали забастовку; нѣкоторые изъ нихъ продержались еще съ недѣлю, другіе около этого.

Всюду и на заводахъ, и въ ремесленныхъ мастерскихъ рабочие становились на работу безъ предъявленія какихъ-либо требованій; очень немногіе выставляли ихъ во время забастовки и получили нѣкоторые уступки. Такъ, на заводѣ Лашавера 7-го августа сбавили полчаса работы, а 8-го — еще часть; у ремесленниковъ кое-гдѣ прибавили заработную плату, кое-гдѣ уменьшили рабочий день.

Начиная съ этого мѣста, сообщеніе сдѣлано быв. членомъ Екатеринославскаго Комитета, согласно порученію послѣдняго.

Очень важнымъ и очень характернымъ является — на рѣдкость — выдержанное и спокойное поведение рабочихъ во время забастовки. Рабочіе машиностроительнаго завода, прежде чѣмъ забастовать, предварительно вычистили всѣ котлы, убрали инструменты, велѣли кочегарамъ оставаться на своихъ мѣстахъ и затѣмъ спокойно всѣ вмѣстѣ вышли изъ завода. „Aber es ist doch gar aristokratisch“ („вѣдь это совсѣмъ по аристократически“), воскликнулъ пораженный всѣмъ этимъ директоръ завода — нѣмецъ. Такое же точно, въ общемъ, было поведение рабочихъ и на другихъ заводахъ. На одномъ заводѣ директоръ сталъ грубо упрекать рабочихъ, что они покидаютъ работу; толпа заволановалась; еще моментъ, и могъ бы произойти взрывъ. „Оставьте его въ покоѣ“, вдругъ воскликнулъ кто-то изъ рабочихъ: „вѣдь онъ такой же наемный пролетарій, какъ и мы, только еще не дошедшій до пониманія своихъ интересовъ“. Сконфуженный директоръ поспѣшно удался. Когда въ пятницу, восьмого августа, рабочіе двинулись въ городъ и подошли къ трамвайному депо, ворота депо оказались запертыми. „Ворота не ломай!“, — раздался единодушный крикъ со стороны толпы. Какъ же проникнуть во дворъ? Нашелся одинъ подростокъ, который перелѣзъ черезъ заборъ и отперъ ворота. Рабочіе твердо помнили распоряженіе Комитета (гектографированное), распространенное въ большомъ количествѣ экземпляровъ одновременно съ призывомъ къ забастовкѣ. „Товарищи!“, говорили въ этихъ маленькихъ листовкахъ, „начавъ всеобщую забастовку, мы будемъ вести себя, какъ подобаетъ борцамъ за великое дѣло. Мы будемъ держаться спокойно и не позволимъ себѣ никакого насилия надъ личностью и имуществомъ другихъ“. И послѣднее исполнялось рабочими съ scrupulousной точностью, доходившей по временамъ до педантизма. Надо замѣтить, что эти листки, въ которыхъ указывалось рабочимъ, что во время забастовки они должны вести себя спокойно и съ достоинствомъ и въ то же время дать рѣшительный отпоръ войскамъ и полиціи, если тѣ сами произведутъ нападеніе, — произвели почему-то среди рабочихъ настоящій фуроръ. „Вотъ это именно намъ и нужно“, говорили они вездѣ и повсюду. Очевидно, содержаніе этихъ листовокъ гармонировало съ настроеніемъ рабочей массы.

Такое въ высшей степени корректное, поведение со стороны рабочихъ послѣ того, какъ 25 человекъ изъ ихъ среды въ первый же моментъ забастовки, рѣшительно безъ всякаго повода, были убиты и тяжело ранены, когда въ то же время разнужданность полиціи доходила до послѣднихъ предѣловъ дикости и нелѣпости, — спокойствіе, выдержанность и тактичность рабочихъ невольно вызвали къ нимъ симпатіи во всѣхъ слояхъ населенія. „Сколько тысячъ народу прошло мимо базара, и ни одно яблочко не пропало!“, съ восхищеніемъ восклицали базарныя торговки, припоминая шестерыхъ рабочихъ въ городѣ восьмого августа. „Честно слава Комитету“ — говорили обыватели: „веченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ такъ перевоспитать эту орду... Да, это — великое дѣло!“ Буржуазія до сихъ

поръ не иначе представляла себѣ рабочую массу, какъ непримѣнно въ видѣ дикой орды. Впрочемъ, екатеринославскій обыватель съ своей точки зрѣнія имѣлъ нѣкоторое основаніе такъ рассуждать. Онъ сравнивалъ теперешнюю грабидозную забастовку съ „бунтомъ“ рабочихъ Брянскаго завода въ 1898 году: въ этотъ „бунтъ“ участвовало около полутора тысячъ человекъ, но они подожгли заводскія строенія, разгромили заводскую массу, разнесли казенную винную лавку и набросились на близлежащія еврейскія дачушки и лавченки, похитивъ часть находившагося въ послѣднихъ товара. Вообще, отъ забастовки всѣ были въ восторгѣ, и пожертвованія въ пользу Комитета предлагались даже тѣми, со стороны которыхъ годъ-два тому назадъ можно было ожидать поступковъ совершенно противоположнаго характера.

Но внезапно нашъ горизонтъ на время затуманился.

Въ понедѣльникъ, 11 августа, часть рабочихъ приступила къ работѣ. Стало ясно, что стачка проиграна, и что Комитетъ не въ силахъ дальше руководить ею. Во вторникъ, 12-го, работы въ Екатеринославѣ и на заводахъ Брянскаго района были уже въ полномъ ходу, а 13-го стачка прекратилась и въ Нижнедѣпровскѣ и на Амурѣ. Больше всего было думать, что на рабочихъ подѣйствовалъ призывъ вице-губернатора, угрожавшій стачечникамъ высылкой на родину и въ отдаленныя губерніи. Полиція торжествовала побѣду. Она хватала всякаго встречнаго и поперечнаго и арестовывала. Тюрьма, участки, арестантскія роты, казармы, были переполнены сѣрой рабочей массой. По городу распространялись, подчасъ преувеличенные, слухи о безчеловѣчныхъ жестокостяхъ, совершаемыхъ надъ арестованными. Все это терроризировало массу. Вынужденные стать на работу, не добившись никакихъ уступокъ, рабочіе чувствовали себя оплеванными. Изъ рабочей среды раздавались раздражительные голоса противъ Комитета, „соціалистовъ“, „образованныхъ“. Не нападая они на правительство, не требуя отъ него въ своихъ ласкахъ и рѣчахъ низверженія самодержавія, и рабочіе, безъ сомнѣнія, выиграли бы стачку. Такъ рассуждало подавляющее большинство. Въ воздухѣ чувствовалось уныніе и озабоченіе. Атмосфера была до того тяжелая, что Комитетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не рѣшался выпускать никакихъ прокламаций. Ихъ бы все равно не читали, — увѣряли организованные рабочіе, — а между тѣмъ, онѣ дали бы только лишній поводъ къ нападкамъ на Комитетъ. Между тѣмъ, полиція распускала слухи, что виною всему „жиды“. Они-де нарочно устроили забастовку, чтобы подвести рабочихъ подъ пули, желая этимъ отомстить христіанамъ за кишиневскій погромъ. Очень упорно циркулировалъ слухъ, что въ рабочихъ стрѣляли еврейскіе солдаты. На допросахъ и при посѣщеніи мѣстъ заключенія, полиція постоянно напоминала рабочимъ, что нужно „бить жидовъ“. Екатеринославскіе евреи — преимущественно буржуазія — которымъ — даже въ самое спокойное время — вѣчно мерещится еврейскій погромъ, на этотъ разъ впали въ полное отчаяніе. Они обратились къ полиціи-мистеру съ предложеніемъ взять двѣ тысячи рублей „на расходы“, надѣясь, что, получивъ взымку, полиція уgomонится. Полиціймейстеръ, который за недѣлю до того самъ вымогалъ у евреевъ эту сумму, на этотъ разъ отказался принять отъ нихъ деньги. „Сами заварили кашу, теперь расхлебывайте ее, какъ знаете“, заявилъ имъ этотъ нахалъ. Но черезъ пару дней, какъ увѣряютъ, онъ смягчился и за то получилъ 500 рублей лишнихъ. Другая часть евреевъ — особенно молодежь — пыталась отправить депутацію къ Комитету и войти съ нимъ въ соглашеніе, желая узнать его планы насчетъ ожидаемаго погрома. Комитетъ, по весьма понятнымъ причинамъ, долженъ былъ то и другое отклонить. Молодежь запаслась пайками и револьверами; образовались кружки самообороны. Съ своей стороны, Комитетъ старался разузнавать настроеніе рабочихъ, но всѣ разслѣдованія все больше и больше убѣждали, что рабочіе остаются совершенно глухи къ подстрекательству полиціи насчетъ учиненія еврейскаго погрома. Погромъ ожидался къ 22 августа (въ пятницу), такъ какъ въ слѣдующіе два дня были православные праздники. Наканунъ этого дня значительная часть евреевъ, побросавъ свои пожитки, бросились выѣзжать изъ Екатеринослава. Комитетъ къ этому дню выпустилъ къ рабочимъ печатный листокъ въ количествѣ 3000 экземпляровъ, гдѣ напоминалось рабочимъ о всей жестокости и гнусности, которая проявилась правительственной сворой во время забастовки, и гдѣ также указывалось на истинную цѣль правительства въ дѣлѣ подстрекательства къ еврейскимъ погромамъ. Наступилъ день 22 августа, но нигдѣ никакого помина о погромѣ не было; такъ же спокойно прошли и второй и слѣдующій день. Полиція обманулась въ своихъ ожиданіяхъ, ошиблась въ своихъ расчетахъ, о чемъ, между прочимъ, горько сожалѣлъ приставъ четвертой части, слишкомъ

хорошо известным рабочим и поднадзорным города Екатеринослава. Расчеты полиции оказались ошибочными по весьма понятным причинам. То тяжелое настроение рабочих, о котором мы упоминали раньше, и их враждебное отношение к Комитету продолжалось всего несколько дней. Оно объяснялось отчасти правительственным террором, а с другой стороны, некоторую роль в этом отношении сыграли причины так сказать, психологического свойства. Масса инстинктивно чувствовала, что она опрометчиво поступила, преждевременно прекратив забастовку; надо было как-нибудь себя оправдать, найти виновника, на которого можно было бы взыскать всю вину за свою опрометчивость. Таким виновником, прежде всего, оказался Комитет, который, руководя стачкой, не привел ее к желанным результатам. Но через несколько дней уныние и раздражение постепенно улеглись. Опять наступило бодрое настроение; кое-где рабочим сделали маленькие уступки; атмосфера стала проясняться, и в конце августа рабочие завода Зау стали вновь серьезно готовиться к стачке. По их просьбе, Комитет и „оппозиция“ к назначенному дню выпустили к рабочим этого завода гектографированные воззвания. Утром этого дня завод, и почему-то желѣзнодорожные мастерские, были густо оцеплены войсками; оратор, посланный Комитетом, не мог проникнуть во двор завода, и стачка не состоялась. Через несколько дней послѣ этого, к стачке стали готовиться и гвоздильный завод Ганке и также обратился к Комитету с просьбой о листке, но Комитет, не найдя, что стачка удастся, отказался исполнить просьбу рабочих.

Подводя итог августовским событиям, Комитет имеет полное право признать, что в сражении, которое организованные екатеринославские рабочие дали правительству, победа всецѣло оказалась на сторонѣ социалдемократіи. О поражении здѣсь не может быть и рѣчи. Поражение было бы только в том только случаѣ, если бы часть организованных рабочих разочаровалась в своих чаяніях и надеждах, если бы она сознательно вышла из состава организации. Но ничего подобного не было. Наоборотъ, послѣ забастовки число активных сторонников Комитета стало возрастать съ небывалой раньше быстротой. Втеченіе мѣсяца слѣшком, не проходило почти ни одного дня, чтобы к Комитету не обращались все новыя и новыя лица съ просьбой принять их въ организацию. Изъ всѣхъ заводскихъ районовъ Екатеринбургской губерніи (Каменскаго, Лѣзовой, Панютина, Павлогграда, Кривого Рога, Луганска) к Комитету стали обращаться съ настоячивыми требованіями о регулярномъ снабженіи ихъ социалдемократической литературой, о распространеніи среди нихъ прокламаций и о посылкѣ туда агитаторовъ и пропагандистовъ. Забастовка не осталась безъ влияния и на крестьянство. Еще за нѣсколько дней до забастовки и во время самой забастовки рабочие, по собственному почину, отправлялись в близъ лежащія деревни и агитировали среди тамошнихъ крестьянъ. Въ деревнѣ Чапляхъ, расположенной въ 13 верстахъ отъ Екатеринбургскаго, крестьяне, работавшіе на лѣсопилнѣ Воронцова, присоединились къ стачкѣ и кое-чего добились. Остальное населеніе въ эти дни собиралось на улицы и въ домахъ и горячо обсуждало дошедшія къ нимъ изъ города вѣсти. Въ воскресенье снаряжали лодки и рѣшили отправиться въ городъ. Особенно горячились женщины. Новая полицейская стража не замедлила обнаружить здѣсь свое рвеніе: урядникъ въ это именно воскресенье арестовалъ нѣсколько бабъ за „открытое собраніе на улицѣ“. Въ деревнѣ Каменка крестьяне желали только одного: чтобы забастовка продолжалась еще хоть недѣлю; кончится уборка хлѣба, тогда и они присоединятся. Крестьяне какой-то деревни, расположенной около Каменскаго завода, выражали тамошнимъ рабочимъ желаніе, чтобы среди нихъ велась правильная пропаганда и агитация, и, между прочимъ, просили написать и распространить среди нихъ прокламацию противъ духовенства. Забастовка не прошла безслѣдно и для войска. Среди солдатъ квартирующаго въ Павлогградѣ екатеринскаго полка, рота котораго стрѣляла въ Екатыринославъ, Комитетъ нашелъ возможнымъ распространять въ коли-

честѣ 500 экземпляровъ печатный листокъ, въ которомъ солдатамъ разъяснялся смыслъ забастовки, а также цѣль и стремленія социалдемократіи. Среди солдатъ квартирующихъ въ Екатеринбургѣ полковъ забастовка вызвала интересъ къ книгѣ — къ чтенію. Даже подстрекательство полиціи къ еврейскому погрому оказалось на руку революционерамъ. Намъ лично послѣ этого пришлось слышать отъ массоваго, недавно оторваннаго отъ сохи и скучающаго по деревнѣ рабочего, что къ погрому подстрекаетъ правительство, желая отвлечь вниманіе рабочихъ отъ ихъ истинныхъ враговъ. Наконецъ, забастовка съ непреклонной убѣдительностью обнаружила, что въ глазахъ рабочей массы самодержавіе потеряло ореолъ своей святости. Если рабочие втеченіе нѣкотораго времени были недовольны политическимъ характеромъ забастовки, то только потому, что, по ихъ мнѣнію, Комитетъ руководился ложнымъ расчетомъ. Наиболѣе невѣжественная масса рабочихъ твердила, что политическая свобода нужна только для „образованныхъ“; рабочимъ же слѣдуетъ думать только объ удовлетвореніи своихъ профессиональныхъ нуждъ. Болѣе культурная и очень значительная часть рабочихъ говорила, что слѣдовало бы раньше добиться сначала сокращенія рабочаго дня и увеличенія заработной платы, а затѣмъ уже бороться за политическую свободу. Какъ бы то ни было, вопросъ о самодержавіи былъ поставленъ ребромъ, и втеченіе почти двухъ мѣсяцевъ рабочие о немъ только и говорили, по поводу него шли вѣчные разговоры и споры. Комитетъ въ послѣднихъ числахъ сентября издалъ по этому поводу листокъ, въ которомъ онъ разъяснялъ суть и истинный характеръ самодержавнаго строя. Листокъ былъ изданъ въ количествѣ 5000 экземпляровъ, и это количество оказалось недостаточнымъ.

Таковы въ краткихъ чертахъ результаты августовскихъ событий нынѣшняго года.

Списокъ убитыхъ.

доставленныхъ въ Брянскую больницу и похороненныхъ 8 августа 1903 года.

Крестьянинъ Могилевской губ., Гомельскаго уѣзда, Старогорновической вол., дер. Кожановки Андрей Ивановъ Носенокъ 22 лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губ., Рославльскаго уѣзда, Лѣсновской вол., села Рѣдына Семенъ Саверьяновъ Гиковъ; крестьянинъ Смоленской губ., Рославльскаго уѣзда, Лѣсновской вол., дер. Свиридовка Федоръ Жуковъ 33 лѣтъ; крестьянинъ Черниговской губ., Малощербиновской вол., Сергѣй Васильевъ Тарасенко; крестьянинъ Смоленской губ., Рославльскаго уѣзда, Екарновской вол., села Фроловки Петръ Дмитріевъ Семеновъ 23 лѣтъ; крестьянинъ Виленьской губ. Игнатій Осиповъ Овсянниковъ; крестьянинъ Полтавской губ., Кременчугскаго уѣзда, Глобовской вол. Алексѣй Ивановъ Шемяка; крестьянинъ Полтавской губ., Константиноградскаго уѣзда, Надеждинской волости и села Яковъ Варновичъ Рибасъ 36 лѣтъ; крестьянинъ Нижегородской губ., Демьяновскаго уѣзда Ельпор. вол., села Ваймень Василій Петровъ Пѣтуховъ 16 лѣтъ.

Кромѣ того, двое убитыхъ взяты на квартиры и похоронены на другомъ кладбищѣ. Всего убитыхъ 11 человекъ. Имена взятыхъ на квартиры неизвѣстны.

Раненые:

Діонисій Кухальскій 17 л.; Іосифъ Трибухъ 17 л.; Афанасій Кофтуновъ; Григорій Долгановъ 27 л.; Михаилъ Павловъ, отправленъ въ городъ; Алексѣй Шираванскій; Никифоръ Артамоновъ; Прохоръ Клюквинъ; Степанъ Ефимовъ; Ефимъ Пѣтуховъ; Иванъ Акимовъ, умеръ отъ ранъ 9 августа; Петръ Медвѣдевъ; Оадей Жуковъ, умеръ отъ ранъ 9 августа; Дарья Пелюшина; Егоръ Акимовъ, умеръ отъ ранъ.